

Клара Керст

МАРМЕЛАД — ДЛЯ — НЕВИДИМКИ

Цель:
20 000 000
на магический
контракт

ОСТОРОЖНО!
НЕ ВКУСНО,
НО МАГИЧЕСКИ

Шеф
Кот

ЯД
С ЛЮБОВЬЮ

Клара Керст

Мармелад для невидимки

«Автор»

2026

Керст К.

Мармелад для невидимки / К. Керст — «Автор», 2026

Гризельда — ведьма, сосланная в мир людей за любовные чары на принце. Чтобы вернуться к возлюбленному, ей нужно заработать 20 миллионов, управляя унаследованной кондитерской «Мармеладный Кот». Но в городе, стоящем на древнем кургане, магия просачивается сквозь реальность: кто-то травит аптекаря, по улицам бродят невидимые рогатые тараканы, а конкурентка плетёт интриги. Вместе с ворчливым котом-фамильяром и местными чудаками Гризельда расследует отравление, подозревая всех — от вдовы жертвы до обаятельного фармацевта Фёдоровича. Вскоре она выясняет: за преступлениями стоит изгнанный маг Вафанус, а весь город поражён магической радиацией. Чтобы закрыть контракт, Гризельде приходится спасти невинных, жертвовать собой и видеть, как принц в магическом мире выбирает другую. В финале она делает выбор между иллюзией любви и реальной привязанностью к этому нелепому, но живому городу, обретая себя там, где её не ждали.

© Керст К., 2026

© Автор, 2026

Клара Керст

Мармелад для невидимки

МАРМЕЛАД ДЛЯ НЕВИДИМКИ

Глава 1

Гризельда взяла в руки журнал и на первой же странице увидела Джорджа Пятого Великолепного, он гарцевал на белом коне. Бывшая фея-крестная зарылась головой в подушки и застонала. Под правой бок привалился кот. Он держал в лапе ручное зеркало и изучал отгрызенное белое ухо.

— Криво то как, а! Неровно, некрасиво, как так было можно, меня, да я! А почему я им дался? Я же владею магией, каким-то собакам шелудивым, подзаборным позволил оставить себя без ушной раковины!

— Ну что тут поделать? — попыталась Гризельда уговорить саму себя. — Не нужно было наводить любовные чары на принца Джорджа.

Она пропустила меж пальцев то, что оставили собаки от правого уха кота. Ван Гог был грязным и заброшенным, как и весь этот магазин сдобы и сластей.

Гризельда щелкнула пальцами, и кот превратился в ухоженного перса: длинная шерсть лоснилась и блестела.

От вони, которая наполнила помещение, она зажала нос, а чистый и напомаженный кот вылетел за дверь: обонятельных рецепторов у него было гораздо больше.

Гризельда спустилась на первый этаж. В кондитерской царило запустение: всё паутина да пыль, но всё-таки было красиво. Белые накрахмаленные скатерти, хрустальные люстры, панорамные витрины (разбитые и с гадкими надписями: «хозяйка — уродина, ведьма и сволочь — кладет в запеканки крысиные хвостики и заячьи усы»).

Гризельда вытащила мраморный рулет с кремом из холодильника. Зашуршала оберткой и сунула в рот полосатый батон с ореховой пастой. Крем с ноткой фундука сразу потек, а небо, сомкнувшись с языком, раздавило податливое тесто. Гризельда откусила еще кусок. Сладкий крем затопил рот, и зубы стали коричневыми.

— Превосходно, — сказала она, — готовит Марианна Павловна (конкурентка и держательница кафе «Метресса Наполеона»).

Пуговка на ее рубашке натянула ткань и, вырвавшись на свободу, заметалась между стенами, пока не пробила кувшин с водой под картинкой с подсолнухами.

Гризельда нащупала на груди наконечник стрелы и крепко его сжала. Ведьма налила кофе и не глядя бахнула в чашку сливки. Она распустила волосы и посмотрела на свою одутловатую физиономию. Она выхватила две пружинки волос, брезгливо отпустила — они снова выпрыгнули, вернув форму насадки для блендера.

Она спросила iPad, сколько варить яйцо. Техника выдала: после закипания 9 минут до полной готовности. Гризельда закинула два яйца в кастрюлю, нажала на электрической плите комбинацию клавиш.

С верхней полки буфета вытащила толстую книгу, на которой было написано: «Волшебные рецепты кондитерской бабушки Лафиры: ром-бабы, круассаны и мармеладные мишки».

Ван Гог закашлялся и выплюнул клочок шерсти.

— Салфетку не передашь? — спросил он Гризельду, рассматривая извлеченную из желудка шерсть.

Ведьма покачала головой и спросила:

— Так я это, на доску муку посыплю, да? Передник завяжу. Немного тут и тут, — она с этими словами прикоснулась к щекам. — Белила, ну, муку нанесу. А дальше ты сам, так? Фокус-покус — и всё гуд?

Кот выпрямился:

— Обижаешь. Такие вопросы примитивные, я — ведьмин кот, у меня контракт.

— А тебя за что сослали в эту дыру?

Кот развернулся белым задом, а Гризельда продолжила инспектировать полки. Она сунула в рот лимонную карамель, и ей сразу полегчало.

— В моей системе ценностей нет таких преступлений, которые они мне вменили.

Гризельда расхохоталась.

— Да ты философ. Цикуту не подать? — Ничего, контракт выполним, всего-то 20 миллионов на корпоративный счёт, и будем свободны.

Кот зевнул:

— Ты слишком оптимистично настроена, я читал твой контракт, тебя обвинят в убийстве и тебе будет противостоять сильнейший маг, имя которому Вафанус. Твоя магия сопровождается сероводородным облаком, а я по контракту хоть и обязан колдовать, но здоровьем кхе-кхе слабоват.

Гризельда занесла руку над миской с мукой, как в дверь тихо постучали. Ведьма отодвинула занавеску в розовый цветочек и увидела Зою, библиотекарку, племянницу внучатую Лафиры Прокофьевны. По правде говоря, Зою не увидеть было сложно. Она была как три Гризельды вместе взятые. Кот запрыгнул на подоконник и стал нервно грызть герань.

— Не заперто, — крикнула Гризельда и пригубила кофе. Поставила на стол вторую чашку и вытащила из холодильника торт.

Зоя, пригнув голову, шагнула на кухню. Застенчиво шмыгнула и тихо поздоровалась. Она поправила очки и, не дожидаясь приглашения, схватила за ложку — самую большую.

— Ах ну да, ты же ничего не знаешь! Не подписана еще на местные паблики. И к тебе никто пока, значит я, — затараторила Зоя, всплеснула кулачищами, опрокинула вазу с гера-

ню, на которую вскарабкался Ван Гог. Ваза раскололась. Зоя было дёрнулась, чтобы убрать последствия в виде комков земли, лужи и растянувшегося в ней кота. Гризельда потребовала:

— Да говори уже!

Зоя обрушила свое большое тело на стул, отчего он закричал.

— Аптекаря отравили, — сказала, выпучив глаза, Зоя и стала собирать пальчиком со стола крошки.

— Да доедай, — сказала Гризельда. — На здоровье. Клубники в огороде завались. Ещё таких наделаем, да, Ван?

Зоя благодарно кивнула и зачерпнула ложкой кроваво-красную начинку. Пока она несла ложку ко рту, по дороге из торта посыпались ягоды.

— Эм, так значит, кхм-кхм... хрум-хрум...

— Мстислав Васильевич испортил пищеварение, надеюсь, обошлось без летального исхода? — напомнила Гризельда и шлепнула себя по руке. Надо было начинать тренировать силу воли, а то она шариком аморфным выкатится в магический мир. Джордж в ее сторону и не посмотрит.

— Сергей Петрович видит в отравлении злой умысел, — ответила Зоя, вычерпывая клубнику из белоснежного крема. Большие квадратные очки перепачкались кремом с высокими пиками. — Кому-то наш Мстислав Васильевич дорогу перешёл. А ещё Марианка о тебе и твоём "Мармеладном коте" распускает слухи. Говорит, и как ей такое только в голову пришло, что у тебя на пороге вчера ночью стоял на задних лапах таракан размером с лося. Рогатый. Вообще она очень много про тебя говорит, говорит, что выкупит у тебя заведение, что ты поджав хвост убежишь обратно, откуда явилась. Напомни, откуда ты приехала?

— Рогатый таракан вчера ночью у меня на пороге? — переспросила Гризельда.

— Ну да, — так и сказала. Зоя задумчиво пососала ложку.

Вдалеке, но становясь все ближе и ближе, раздался звук сирены. Он становился всё громче и отчетливее, пока не стал таким мощным, что факт полицейской машины под дверями кондитерской покойной Лафиры Прокофьевны, ныне принадлежащей ведьме по существу, а по легенде внучке кондитерши, нельзя было игнорировать.

Кот, весь мокрый и жалкий, выполз из лужи и приоткрыл дверь. Зоя быстрыми движениями запихала в рот остаток торта, а Гризельда придвинула к себе варёные яйца. Раздался грохот сапогов. Сергей Петрович стукнул три раза, понял, что не заперто, и в попытке прорваться внутрь, чуть не сорвал погоны.

— Проходите, Сергей Петрович, — ласково сказала Гризельда.

— Я вас допрашивать, Гризельда Жаковна, прибыл, официально с бумагами.

Гризельда охнула, пригладила рыжие вихры и с достоинством спросила:

— Чаю и ватрушку будете?

Сергей Петрович снял фуражку, вытер лоб. Хотел было сесть на свободный стул, но по дороге поскользнулся на луже от герани и рухнул на стул, на котором в пятне света высохал кот. Ван Гог заорал на кошачьем и забился под лавку.

— Сесиль, жена нашего почтенного, достопочтенного, уважаемого аптекаря — добрейшей души человека — нашла почти бездыханное тело мужа в лаборатории. В аптеке, где он между фасовкой лекарств, в том числе от моей хронической язвы, чтоб ее, ужинал, и, видимо, с превеликим удовольствием, вашими, Гризельда Жаковна, пончиками.

Глава 2

Сергей Петрович налегал на сдобу так, будто жил три дня на необитаемом острове. Гризельда надеялась, что ему тоже попадетя клочок шерсти. Но в отношении ватрушек кот придерживался ГОСТа и санитарных правил.

— И дарственную покажите, — решил Сергей Петрович. — Вы находитесь в эпицентре смертей и отравлений, такое нас учили не пропускать в академии. Вдруг вы и бабушку на тот свет отправили. С виду вы вся такая мягкая и ласковая, а внутри вас, может, чернота одна. Нас на уроках психологии учили, что самые добрые и хорошие девочки они немного..ээээ.. как.. бы...самые злые.

Сергей Петрович облизал пальцы и схватился за правое подреберье.

— Яд? — спросила Зоя.

Библиотекаршу вместе с котом и Гризельдой задвинули к подоконнику столом, пока на кухне шел обыск, больше похожий на погром. Ведьма поминутно вскакивала, чтобы чего не разбили, но улыбчивый парень, младший лейтенант Алёша, усаживал ее обратно.

— Язва, — прохрипел Сергей Петрович, — разыгралось. Сегодня только глаза продрал — и вот тебе — наикровожаднейшее преступление. Нужно быть в форме душевно, морально и при параде. А я с женой на грань развода встал, она меня бойкотирует: не готовит, не убирает, вообще ничего не делает. Да вы сядьте, сядьте, чего вы так переживаете за мешок с картошкой. Худшее, что с ней может случиться, она превратится в пюре.

Сергей Петрович снова за правое подреберье схватился.

— Марианна Павловна готовит неплохо, не как Лафира до того, как с ума соскочила. Бывало, покойное царствие ей небесное, она меня даже борщом угощала с черным хлебом поджаренным да натертым чесноком. Хорошая была женщина.

Гризельда дернула себя за пружинки волос. Подумать только второй обыск за месяц. А ведь найдут волшебное зеркало, и оно бряк. "Не суй нос, не свои дела, морда ты ищейки".

— Это у вас так женщина хорошая определяется, если задарма вас кормит? Дарственную, вот вам, держите, — сказала Гризельда, роясь в верхнем белье, и извлекая из больших

чашечек изрядно помятую бумажку с печатями. — Так какое лекарство фасовал болезный? — тихо спросила она, пытаясь спихнуть кота, который запрыгнул на лавку, вытянул ногу, как гимнастка, и вылизывал своё обширное брюхо, выкатив приборы для продолжения рода.

Сотрудники Сергея Петровича с грохотом извлекали из ящиков содержимое. Сысковая бригада не церемонилась: в воздух летели пух и перья, тряпки, губки, мука да изюм. Абрикос распластался справа от холодильника, не хватало только мелового контура, чтобы подтвердить факт его смерти.

— Я же говорю: от кашля, золотухи, поноса и мигрени, — Сергей Петрович насупился. — Ишь вы какая прыткая. Информация эта засекречена. Клиентура у Мстислава... Введи химический ингредиент по латыни, — сказал своему помощнику долговязому Алёше. — Ну что вы, Гризельда Жаковна, так иглы выпятили, — сказал Сергей Петрович. — Закончили опись? — спросил он Алёшу, который одну за другой поглощал карамелизированные ракушки из стеклянной вазочки и уже думать забыл, что он тут по долгу службы. Долговязый парень убрал со лба длинные патлы и удерживал, чтобы они снова не хлынули на лицо. Фуражку держал под мышкой и вообще имел такой расхристанный, что впору выступать на эстраде в кожаных штанах и сетчатой футболке.

— Поставьте обратно бидоны, — закричала Гризельда. — Помнете алюминий. Сергей Петрович, а они поаккуратнее не могут?

Алёша мягко удерживал вырывающуюся Гризельду за локти. Она отпихнула его, а младший сотрудник полиции отодвинул стул, чтобы она села.

— Все это просто формальность, спасибо, что уделили нам время, — Сергей Петрович махнул рукой бригаде, поднялся и зафиксировал на камеру телефона дарственную. — Мы всё проверим и доложим о результатах, а вы, Гризельда Жаковна, пока... да, спокойно себе обживайтесь на новом месте. Бизнес раскручивайте. Вполне возможно, что действовали ваши недоброжелатели. А вы жертва безвинная.

Сергей Петрович поднес телефон к уху.

— Да, Жанна Афанасьевна, рад вас слышать, все на контроле, нет, ваши молодчики тут не нужны, без признаков... Конечно, если что, попрошу помощи, — Сергей Петрович нажал отбой и настроил лоб. — Лезет куда не просят, вот баба...

Сергей Петрович поковыряться в уликах, которые на стол вывалили полицейские. Каждый предмет был упакован в пластиковый мешочек на молнии и пронумерован.

— Вот этот флакон, он не из-под яда, но с подозрительными остатками, — сказал он. — Химию я понимаю плохо, но буду настаивать, чтобы это всё хорошо проверили. Возьму эти шесть флаконов, хм, я был уверен, что их шесть, куда делся шестой? Уж не колдуете ли вы, Гризельда Жаковна, у нас магия преступлением считается. Вот и жена мэра звонила, спрашивала не спустить ли на вас магических курсантов? Они, знаете, как псы, натасканы, порвут глотку, даже если вы и не причём.

Сергей Петрович пристально посмотрел на Гризельду, которая качала головой и косила глаза на кота. Ван Гог запихивал флакон в мусорный мешок и яростно бил хвостом.

Подбросили флакон с остатками яда! — ахнула про себя Гризельда.

— Ну что вы, я чиста как поварская шапочка, — сказала Гризельда.

— Ну раз так, вы пока можете считать себя свободной от подозрений, но под следствием. Зоя Никитична, идемте, нам бы с вами потолковать тет-а-тет, — сказал Сергей Петрович, увлекая библиотечаршу на улицу.

Глава 3

«Метресса Наполеона» слепила огнями вывесок и внушала почтение имперской статье. Гризельда постучала по крыше карете, ожидая, что Ван Гог, который для мира принимал вид мальчика, распахнет дверцу кареты. Но кот с козел не слез. Гризельда дергала ручкой до тех пор, пока с грохотом не вывалилась на мостовую. Она сидела на земле рядом с расписной каретой, что твоя музыкальная шкатулка, тоже наследством Лафиры, и терла лодыжку. Ван Гог на козлах театрально поднял брови.

— Кот, я с тебя шкуру спущу, — сказала ведьма и погрузила коту пальцем.

Из окна кафешки выглянула белокурая головка Марианны, кудри запрыгали по полуобнаженной груди.

— Приехала продавать бизнес? — защебетала Марианна. — Смотри, Федорович, наконец-то кондитерская Лафиры будет моей.

Все еще потирая лодыжку, ведьма захромала в кафе.

— Три куска пиццы с грибами и помидорами, пожалуйста, — сказала она официанту, занимая столик. — Да, ещё картошку крупными ломтиками, сверху кинзой посыпьте: нарезка не мелкая, а чтобы листики, знаете, остались, а еще — будьте любезны, суп том-ян, да креветок не жалейте, — Гризельда со страдальческой миной устраивалась поудобнее. — Я к вам, Марианна Павловна, на дружеский разговор. — Да, и лимонад! Лимонаааад! — крикнула Гризельда, поворачивая шею в сторону стойки. — Повара меня слышали? Тут у вас с кухней звукопроницаемость хорошая?

Марианна с любопытством подошла ближе.

— Да тебя белые медведи в Арктике слышали, — ответила она и засмеялась. — Ты как будто неделю не ела, — озадаченно сказала она, оглядывая комплекцию Гризельды. Хозяйка кафе посмотрела в зеркало, сравнивая себя с Гризельдой, и повеселела, когда поняла, что вывод однозначен и что он в ее пользу. Марианна Павловна огладила себя по талии и по груди.

— Меня сегодня обыскивали — разнервничалась, — сказала Гризельда, отрывая половину пиццы, скручивая ее в лодочку и засовывая эту яхту в рот. — Присаживайтесь, коллега, в ногах правды нет.

— У тебя обыск, а я причем?

Гризельда выхлебала три стакана лимонада и потянулась за пирогом с грибами, который принесли в подарок от заведения.

— Я твоя конкурентка, в городе всего два кафе. Естественно, ты хочешь, чтобы я сгинула в адском пламени, — Гризельда проткнула вилкой сразу три груздя. — Как же вкусно, а вешенки, как вы их солите?

Марианна расхохоталась и обернулась на Федоровича.

— Да какая ты мне конкурентка? У тебя витрина разбита, а где ещё стекло осталось, тебя обвиняют, что ты в запеканку грызунов крошишь. У меня чистота, порядок и вот — Федорович в ночь со среды на четверг составляет и одобряет по КБЖУ каждый мой продукт. Правильное питание, дефицит калорий — слышала о таком? Федорович, миленький, подтверди?

— Уха ваша, Марианна Павловна, выше всяких похвал. Пальчики бы облизал да не могу — в перчатках. Ваш блистер с капсулами красоты почти готов, да только вам не нужно, вы и так сияете, будто мириады звёзд сошлись в вас одной.

Гризельда чуть не подавилась пирожком с капустой, который один был как сапог Гулливера.

— Значит, вчера, в ночь с 23 на 24 июня, со среды на четверг, когда в лаборатории потравили Мстислава Васильевича, вы, Федорович, тоже были тут? А Марианна была с вами?

— Верно, — сказал Федорович. — И о трагедии узнал утром из пабликов.

— Ты что же, Гризельда, думаешь, я аптекаря отравила, желая избавиться от тебя? — прыснула Марианна. — Ну и фантазерка! Удумала чего! Я тебя честно воевать буду. Мэр выберет, кто из нас на День Города готовить будет. Кто выиграет — тому честь и хвала. Приходи! Повеселюсь от души.

— Приду, — мрачно сказала Гризельда, вытирая со лба сметану. Похоже, она ошиблась в своих расчетах. Если, конечно, Марианка с Федоровичем не покрывают друг друга. — Кто же тогда Мстислава Васильевича кончить пытался? Есть у вас версии? Федорович, вы скажите? Не сам же он? А?

Гризельда обернулась на Федоровича, но тот делал вид, что не обращает внимания на ведьму.

— А мне знать откуда, — пожала плечами Марианна. — Мне некогда следить за другими, у меня забот хватает. Вот если бы ты делом занялась, а не глупостями в чужом монастыре, глядишь, и твой бизнес бы не встал. Эй-эй, — крикнула она, высовываясь в окно. — Малец, убери пони с газона. Доедай, Гризельда, свой дастархан и катись бизнес налаживать. Нечего тебе тут искать. И убери своего Буцефала, того и гляди кучу навалит.

— А про господина Вафануса вам что-нибудь известно? — вылавливая креветку из супа, спросила Гризельда.

Марианна фыркнула и сложила руки на груди.

— Я тебе что — информбюро?

Гризельда в задумчивости водила по лицу рукой, размазывая сметану все больше, но, заметив яростный взгляд Марианны, вскинулась.

— Постой, а как же таракан, насчёт которого ты всем врала? Ван, гони домой, на такси вернись! — крикнула в окно Гризельда.

— Я? Врала? — от возмущения Марианна задохнулась. — Я всегда говорю правду и только правду, — Марианна положила руку на сердце, будто у нее там хранилась Библия, Коран, Упанишады и сборник советов Конфуция, как именно почитать родителей.

— Ты, часом, головой, как Лафира не тронулась? — выдохнула Гризельда.

Марианна прищурилась, взяла в руки разноцветный пипидастр и стала обмахивать барочные все вензелях и завитушках столбы.

— Окстись! Чего мне врать? Какой смысл? У тебя даже клиентуры нет. Мне пироги ставить пора, заказ большой, тебе такой как ног своих за пузом не видать. Увидимся при Филиппах! Чао!

Марианна бросила пипидастр на стойку, отчего он энергично завилял хвостом, и торжествуя удалилась. Гризельда обмакнула пальцы в пиалу с водой и выругалась.

— Говорят, — осторожно сказал Федорович, нервно теребя галстук. — Магии стало в городе больше, люди болеют, твари хтонические множатся, и вроде без уголовщины, а все-таки чувствуется, что климат портится, понимаете?

Гризельда, занятая мыслями, слов не расслышала, а переспрашивать не стала. Проглотив последний кусок пиццы, пробормотала:

— А вот здесь ошибочка, Марианна Павловна, есть у меня постоянная клиентура. Федорович, эй, Федорович! Марианна Павловна всегда такая буйная, то есть я хотела сказать экспрессивная? Вы бы ей таблеточку от нервов, говорят витамины группы В помогают от бешенства женского органа в период предменопаузы.

Федорович конфузливо кашлянул и отвернулся:

— Вы так друзей не заведете, Гризельда Жаковна, у нас город маленький, если с одним отношения испортите, с вами весь город здороваться перестанет.

Гризельда чуть не подавилась, а когда восстановила дыхание и слюноотделение, спросила:

— Она всем про тараканов размером с лося у меня в заведении рассказывает, будто я контактный зоопарк держу. А я не могу покричать правду? Да? Где тут справедливость — я вас спрашиваю. Зачем она вообще шлялась у меня под окнами? Подозрительно! И чего вы, Федорович, так ради Марианны стараетесь? Уж не замуж ли ее хотите взять? Зачем вам старуха? Ради денег?

Федорович покраснел и выронил из рук баночку, образовав белую дорожку на столе.

— Я? Да с чего вы взяли! Чтобы я? Да и она не старуха. Я всегда такой был. Меня мать так воспитала, без отца рос и в людях ласки искал. Я всем помогаю, иногда мне тоже помогают — в благодарность. Я терпеливый, исполнительный и вреда никому ещё не причинил.

— Только своему боссу, которого отравили?

Федорович поправил галстук на шее, выкрутив его окончательно назад, и покашлял:

— Как я и говорил, будете всех обвинять, ничего хорошего не выйдет. Так ни друзей, ни союзников не заводят, — он с шумом высыпал таблетки в секцию, подписанную: понедельник. — Я вас сначала как увидел, хотел в кино пригласить, у нас черно-белое крутят, по-дружески, больно лицо у вас несчастное, в любви не везет, да? Я другом вам стать хотел, советы бы дал, мы бы с вами ладили, друг другу помогали бы...

Лицо Федоровича пламенело от искренности, как факел в ночи.

Но теперь вижу, что вы недостойны дружбы и руки помощи. Ничего, когда колени и лоб разобьете, еще сами ко мне приползете, будете советов моих спрашивать.

Гризельда откинулась на спинку стула и по-новому оценила Федоровича. Строго говоря, она его впервые разглядела, потому как раньше интереса он никакого не представлял. Он был тонкий, высокий, подстриженный с претензией на моду, ногти подпилены, возможно лаком прозрачным напмажены, брючки со стрелками, халат без пятнышка. Черты лица изящные, глаза олени, рот пухлый, а подбородок острый, как у Тимоти Шаламе. Вот разве что из воротника вылезает шрам, и по виду драл как будто зверь крупный.

— Ах, так вы из тех, что вы мне спинку потрите, а потом я вам. Я гляжу, вы в этом мастерстве сильно продвинулись, так? Много у вас подруг? Много вам пользы приносят такие связи? Не лучше ли своими силами, честно и без оглядки?

Федорович принялся засовывать баночки в сумку, где для каждой емкости был свой отсек. Аккуратист, — с презрением подумала Гризельда. — Ни торжества, ни вдохновенья, одни инструкции в голове у человека. А еще в друзья к ведьме набивается, ишь какой!

— Я не беру чужого, — голос Федоровича дрожал и слетал с баритона. — Беру только что дают, я пользу приношу своими знаниями, а вы что сделали, получив наследство — ничего!

Гризельда запрокинула голову и в голос расхохоталась.

— А какие комплименты Марианне вы делаете, стыдно слушать. — А шрамик у вас занятный, кто изволил точить об вас когти?

— А это, — сказал зло Федорович, вскакивая, — не вашего ума дело. Откуда шрамы и кто кому какие комплименты и с каким умыслом расточает. Вам никто и доброго слова не скажет. Ни про красоту вашу, ни про ум, ни про душу. У вас этого всего просто нет. Вы шумная, глупая базарная женщина.

Федорович зашел за стойку, выдвинул ящичек и положил таблетницу. Он вышел из кафе, хлопнув дверью. Гризельда вызвала такси. Ехать домой на колыхающей с котом и лошадей — эдаким бродячим цирком — было выше ее сил, хотя Ван Гог встал в паре кварталов от Метрессы. Гризельда видела, как коня окружили дети, совали ему в рот морковку и смеялись, когда он встряхивал гривой и с губ его слетали слюны. Дети в восторге, как маленькие разноцветные шарики, подпрыгивали.

Ван Гог, — крикнула она в окно такси, когда проезжала мимо кота. — Рысью домой!

Гризельда смотрела на проплывающие мимо дома, фонарные столбы, магазинчики и вывески. Придется изучить место преступления при помощи магического видения. Другого выхода нет. Кто-то собрался не подставить. Знает ли злоумышленник, что Гризельда — ведьма?

Ох, Джордж, знал бы ты на какие отчаянные меры мне приходится идти, чтобы сократить расстояние между нами. Но ты не отчаивайся, милый Джордж, я ради тебя горы сверну и раком на горе свистну.

Когда она проезжала мимо газетного киоска, увидела, что Федорович покупает книгу, а рядом стоит Зоя, вертит концами юбки и, опустив глаза, смеется. Ба! Да он местный Дон Жуан, вот это поворот!

— Остановите, — велела она таксисту и уставилась на Федоровича. Гризельда смотрела него, подперев щеку, и поймала себя на мысли, что он вправду смазливый..

— И чего вы только, бабы, в нем находите, он же в резервации наказание по малолетству отбывал. Марианна же бой-баба, а держит эту соплю, козявка при себе. Зачем? Чтобы власть подкреплять?

— Федорович, что, маг? - вскинулась Гризельда.

Таксист поморщился:

— Какое там, по ошибке под раздачу попал, в мэрию мать его потом писала, чтобы высшие инстанции заступились за бедолагу. Повезло, что Жанна Афанасьевна у нас такая отзывчивая.

Гризельда врубила магическое видение, но, увы, вокруг Федоровича свечения не обнаружилось, он был обычный, ничем не примечательный фармацевт.

— Поехали, - велела Гризельда. - Местное радио включите, послушаем, чем вы тут живёте.

Таксист защелкал ручкой, радио зашипело и раздался голос диктора.

— ...дом стоял на отшибе. ...ночью наведалься из леса ... тварь, убила жену и похитила детей и..... хррр (радио захрипело)...ррр... условие: будет Вафанус служить, она вернет ему.... избранницам дарил агатовое кольцо с изображением ...медведя — метку.... Хррр...

— Выключить? — сказал таксист. — Связь плохая.

— Погодите, — велела Гризельда.

...пятерых молодых сгубил, и дети вернулись.... отмеченные тьмой. Вафанус и высох.... охотники на тварей хронических отправили ... преисподнюю.потомкиживут в нашем городе. В классификаторсущество, именуемое ардык. ...обладает ... навыками.. умеет такое, чего другие не умеют...знает...не знают...

Глава 4

Купчихи Кустодиева гармонировали с масками африканских демонов, а над разбитыми витринами всю ночь колдовал кот, отчего теперь чихал и кашлял, как вольерная дворняга, зато стекла слепили глаза прохожим.

— Мстислав Васильевич всё ещё в больнице? Что допрос показал? Кого Сергей Петрович подозревает первым? Каким ядом отравили?

— спросила Гризельда, вытащила деревянную доску, скалку, зачерпнула из нижнего ящика муку. Вот уже неделю она тренировалась готовить пироги, чтобы выходили, как у Марианны. Она взяла подошедшее тесто и потыкала его пальцем. Пружинило так, что амортизировало.

Дед Петро почесал бороду и переглянулся с бабой Надей:

— Ты как Шерлок этот Ватсон — без сознания, не приходил в себя. Травили ртутью. Я в библиотеке читывал: Иван Грозный кушал этот яд в малых дозах, чтобы когда отправят по-настоящему, копыта не скинуть.

— А Сергей Петрович тебя подозревает и на каждом третьем углу об этом рассказывает, — сказала Аллочка и засыпала в рот монпасье, которой тут же начала громко грызть, закончив она поднесла открытый медальон к губам и украдкой поцеловала изображение.

— И улики есть, что на меня показывают? — спросила Гризельда.

— Да не, — махнула рукой баба Надя, — просто всё так совпало: смерть Лафиры, твой приезд, отравление добрейшей души...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.